

Л. И. Никовская

ИЗМЕНЕНИЕ ОБРАЗА ДЕМОКРАТИИ КАК ФАКТОР САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИИ

Поиск современной Россией своей внутренней идентичности и своего места в мире еще далек от завершения. Начало этому поиску было положено более 15 лет назад, и за прошедшее с тех пор время его направления заметно изменились. В настоящей статье мы попытаемся выявить факторы, определившие характер этого сложного, амбивалентного процесса, и проследить исторические «развилки», через которые прошла постсоветская Россия в своем реформаторском движении.

* * *

Опросы общественного мнения, проводившиеся в 1992—1994 гг. в рамках совместного российско-американского проекта «Демократические ценности в структуре массового сознания»¹, убедительно свидетельствуют об историческом оптимизме и высоких демократических ожиданиях российского общества на ранних этапах реформ. Как видно из представленных в табл. 1 данных, ни о каком доминировании авторитарного сознания в молодой российской демократии не было и речи. И хотя приверженность демократии выражали лишь около трети россиян, потенциальным ресурсом поддержки формирующихся демократических институтов выступала и значительная часть так называемого «болота», занимавшего промежуточную позицию.

¹ Российская выборка — 1668 человек (см. Денисовский, Никовская 1994).

Таблица 1 Политические предпочтения российских граждан (в %)

Убежденные демократы	3,4
Сочувствующие демократии	28,5
Промежуточная группа («болото»)	49,8
Сочувствующие авторитаризму	16,5
Сторонники жесткого авторитаризма	1,7

Первая половина 1990-х годов была временем увлечения россиян Западом, западными моделями и институтами. Многие россияне в тот период искренне верили, что стоит России подвести черту под своим коммунистическим прошлым, как западное сообщество немедленно примет ее в свой круг и поможет в кратчайшие сроки достичь такого же уровня процветания. Представления о культурно-исторической

самоценности России отвергались как нечто ретроградное, препятствующее интеграции страны в «цивилизованный» мир. Аналогичный подход утвердился и во внешней политике. Понятие национального интереса фактически исчезло из внешнеполитического дискурса. Россия стремилась быть максимально уступчивой и предупредительной, чтобы заслужить одобрение своих новых «друзей».

Однако уже к середине 1990-х годов ситуация заметно изменилась. Сложившаяся в России форма «демократии», оборачивающаяся резким ослаблением государственной власти и усилением внутривластных раздоров, вызывала все более критическое отношение в самом демократическом лагере. Но самой тревожной стала тенденция, зафиксированная еще в 1994 г.: растущая уверенность государственной бюрократии в собственной непогрешимости на фоне углубляющейся общественной пассивности, обусловленной неверием представителей большинства социально-профессиональных групп в свою способность повлиять на политический процесс². Подобное социальное самочувствие чиновничье-номенклатурного сословия даже в большей степени, нежели укрепление самого госаппарата, свидетельствовало о готовности власти к «тихому» авторитарному перерождению. Реальная практика отчетливо продемонстрировала необоснованность и наивность многих демократических ожиданий, дав толчок формированию «консервативной волны», знаменовавшей собой поворот от западных увлечений к «исконно российским» ценностям и образу жизни.

Согласно заключению сотрудников Института системного анализа РАН, проанализировавших данные ВЦИОМ о динамике распределения ответов на вопрос: «Рыночные реформы сейчас нужно продолжать или их следует прекратить?», реальный ход рыночных преобразований в 1994—2000 гг. дестимулировал развитие либерализма, создав благоприятные условия для роста этатистских установок. Проведенное ими исследование показало, что за период с начала 1997 по июнь 1999 г. произошла заметная «этатизация» либералов (возрождение идей патриотизма, национальных интересов, укрепления государства и «вертикали власти») и, когда либералы на время вернули себе доминирующее положение (июль 1999 — май 2000), они уже усвоили многие из идеологем, ранее входивших в арсенал этатистов³.

* * *

Получили ли отмеченные выше тенденции дальнейшее развитие? В каком направлении эволюционировало общественное сознание россиян после 2000 г.? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к результатам репрезентативного исследования, проведенного в Институте социологии РАН под руководством М.К.Горшкова⁴. Тщательно проанализировав ценностные установки респондентов, авторы исследования обнаружили, что в современном российском общественном сознании представлены две альтернативные мировоззренческие модели:

² См. Никовская 1994.

³ Горяинов 2002: 267—268.

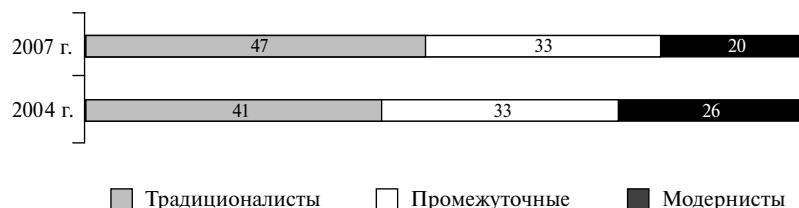
⁴ См. Российская идентичность 2007.

традиционалистская и модернистская. В качестве индикаторов «модернистской ментальности» использовались 9 критериев: выбор в пользу индивидуальной свободы в паре «индивидуальная свобода — социальное равенство»⁵ и в пользу демократии в паре «демократия — безопасность»; вера в то, что России подходит западный путь развития; ориентация на инициативу; отсутствие патерналистских ожиданий по отношению к государству; убеждение в том, что хорошие законы важнее хороших руководителей; а также несогласие с тем, что государство должно отстаивать интересы не каждого гражданина, но общества в целом, что оно вправе ограничить свободу слова, если та идет во вред государству, и что правительство имеет право влиять на правосудие, когда этого требуют интересы государства⁶. Динамика удельного веса этих мировоззренческих моделей в российском общественном сознании представлена на рис. 1.

⁵ Для ментальности данного типа эта позиция оказалась базовой.

⁶ К модернистам были отнесены респонденты, чьи установки отвечали как минимум пяти из этих критериев.

Рисунок 1 Распределение россиян по типам мировоззрения (в %)

Как видно из рис. 1, доля модернистов в российском обществе продолжает сокращаться. Но что особенно важно, наблюдающийся в последние годы «ренессанс традиционализма» затронул и молодежь. Если еще в 2004 г. в возрастной группе до 25 лет модернистов было заметно больше, чем традиционалистов, то теперь не осталось ни одной возрастной когорты, где модернисты «перевешивали» бы традиционалистов (см. табл. 2).

Таблица 2 Распределение по типам мировоззрения в различных возрастных группах (в %)

	Возрастные группы									
	16—25 лет		26—35 лет		36—45 лет		46—55 лет		56—65 лет	
	2004	2007	2004	2007	2004	2007	2004	2007	2004	2007
Модернисты	37	27	32	25	27	21	19	15	13	11
Промежуточная группа	33	34	36	34	34	33	32	37	28	26
Традиционалисты	29	39	32	41	39	46	49	48	59	63

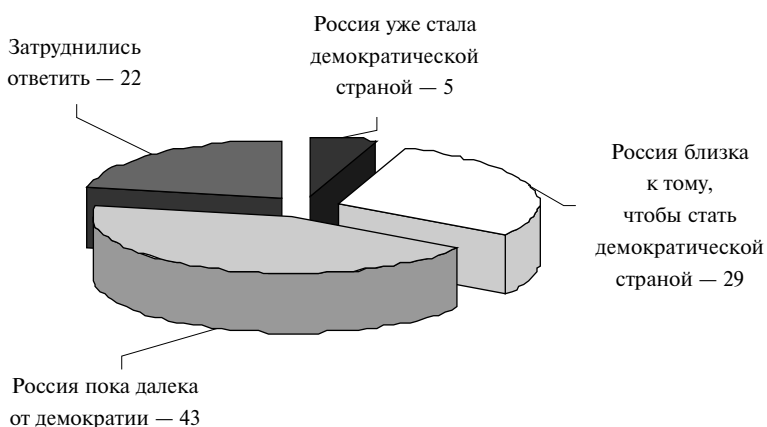
Будучи реакцией на сбои в функционировании демократических и рыночных институтов, постепенное восстановление влияния традиционных ценностей вместе с тем в очередной раз свидетельствует о необычайно высокой устойчивости *ценностно-смыслового ядра* российского менталитета. И хотя, разумеется, было бы неверно видеть в нем некую константу, присущая ему инерционность заведомо обрекает на провал любые попытки изменить его «по заказу».

Существенно сместились за последние годы и акценты в представлениях россиян о демократии. В российском обществе сложилось устойчивое мнение, что утвердившаяся в стране модель демократии и рынка далека от совершенства. Все большее число наших сограждан убеждено в том, что процесс демократизации «застопорился», попав в своеобразный замкнутый круг, когда новые демократические институты не могут стать достаточно эффективными, поскольку не пользуются поддержкой со стороны общества, и не могут получить такую поддержку, поскольку являются неэффективными и не способны помочь в решении встающих перед обществом проблем, прежде всего социальных. «Работой» демократии в современной России не удовлетворены 72% россиян⁷. Более того, многие из них вообще отказываются осуществленным в стране преобразованиям в праве именоваться демократическими. Доля россиян, полагающих, что Россия уже стала демократической страной или близка к этому (5 и 29% соответственно), заметно меньше доли тех, кто считает, что она столь же далека от демократии, как и во времена Советского Союза (см. *рис. 2*)⁸.

⁷ *Российская идентичность 2007: 136*

⁸ *Там же: 77–78.*

Рисунок 2 Распределение ответов на вопрос: «Насколько Россия продвинулась в деле строительства демократии за годы, прошедшие после распада СССР?» (в %)

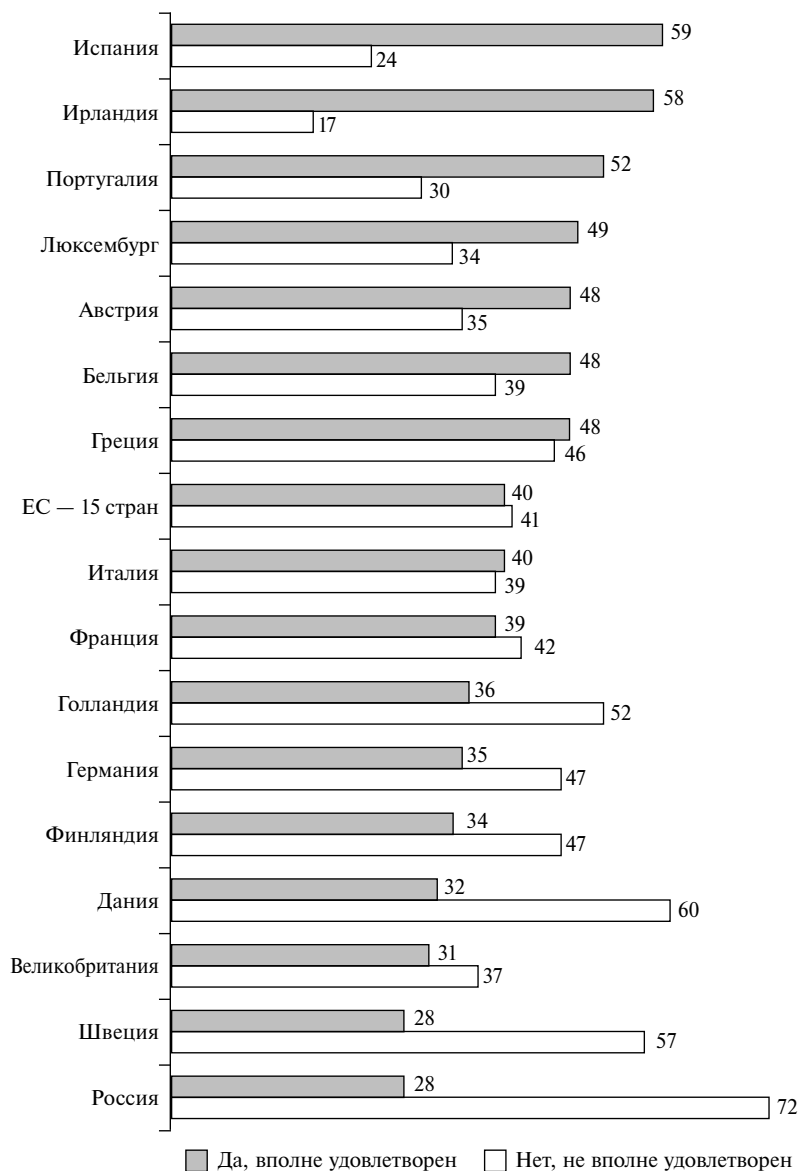

Конечно, критическое отношение населения к функционированию демократических институтов характерно не только для России. Доля не удовлетворенных реальной «работой» демократии превышает

⁹ При составлении рисунка использовались данные «Евробарометра» за 2004 г.

долю удовлетворенных и в таких странах, как Дания, Швеция, Голландия, Германия, Финляндия, Франция, Великобритания (см. рис. 3⁹). Тем не менее в представлениях российских граждан об эффективности демократии имеется и четко выраженная специфика.

Рисунок 3 Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы работой демократии в своей стране?» – в странах ЕС и в России (в %)

Хотя процесс формирования образа демократии в сознании россиян далек еще от завершения, одно обстоятельство бесспорно — демократия в их глазах ассоциируется с политическим устройством, гарантирующим закон и порядок и, главное, обеспечивающим социальную справедливость в обществе и достойную жизнь граждан. Грубо говоря, демократично то, что «социально справедливо». О наличии социально-экономического «фильтра» в восприятии российскими гражданами эффективности демократической системы свидетельствуют и данные, полученные в ходе уже неоднократно цитированного исследования ИС РАН.

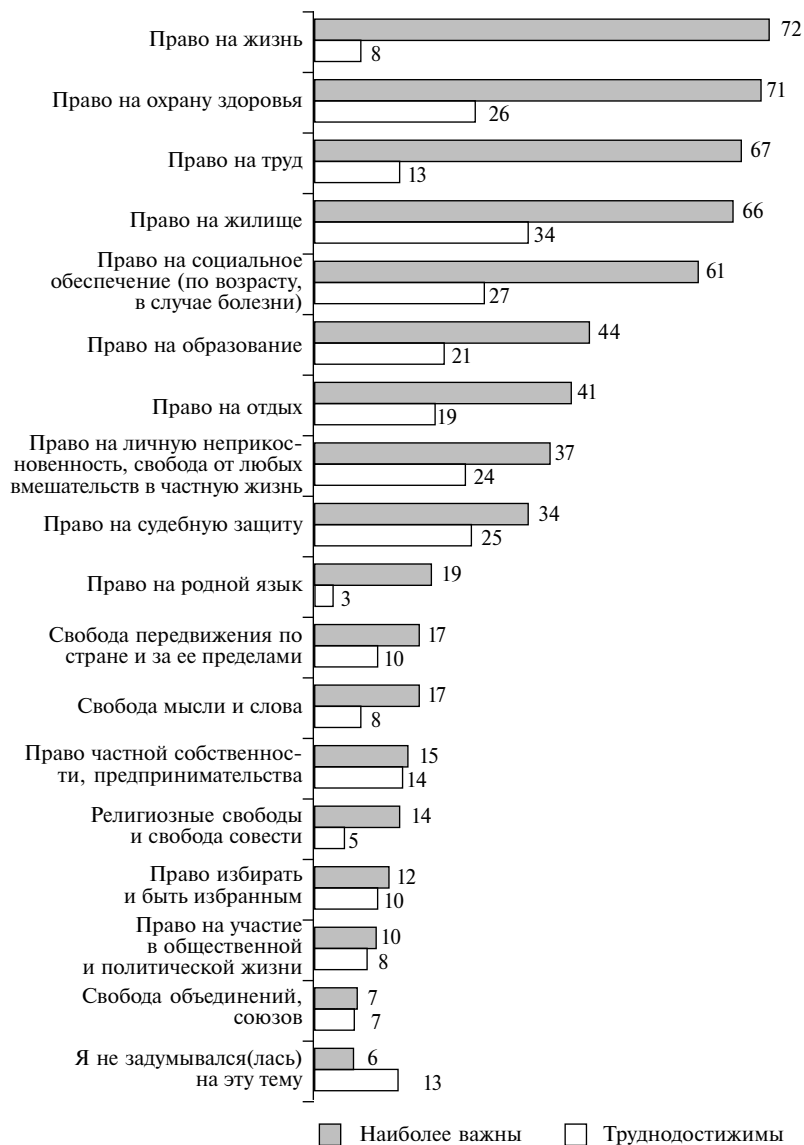
На склонность россиян оценивать функционирование российской демократии сквозь призму социально-экономических проблем указывают, в частности, ответы респондентов на вопрос о том, какие из основных прав и свобод сегодня являются наиболее важными и какие — труднореализуемыми. Как видно из *рис. 4*, наиболее *важными* (помимо права на жизнь) россияне считают право на труд, на охрану здоровья, на социальное обеспечение, жилье, образование и отдых, а наиболее *труднореализуемыми* — право на жилище, на социальное обеспечение, личную неприкосновенность и судебную защиту. Весь комплекс гражданских и политических прав и свобод пока находится на периферии их сознания.

* * *

Почему политическая модернизация попала в ловушку «равновесной неопределенности», которая по своим последствиям не менее опасна, чем сам «авторитарный откат»? Безусловно, принцип демократии сейчас переживает кризис во всем мире, будучи не в состоянии справиться с вызовами глобализации. Но не менее существенно и другое — российскому социуму было противопоставлено механическое заимствование западных идей и политических практик, он должен был соразмерять свое движение с собственным социокультурным кодом. Кроме того, не следует забывать, что России сегодня приходится решать многие из тех задач (построение нации-государства, создание нормально функционирующей экономики и т.д.), которые уже давно решены на Западе, вступившем в эпоху постмодерна.

В отличие от Запада, где борьбе за демократию предшествовало развитие либерализма и капиталистических отношений, демократический импульс в России возник до утверждения частной собственности, как воля большинства, выраженная меньшинством. Двигаясь к демократии, страна должна была одновременно создавать ее предпосылки (отделение собственности от власти, формирование слоя ответственных собственников, демократической культуры, гражданского общества и т.д.). Иными словами, ей требовалось соединить в одном историческом времени процессы, разделенные в Западной Европе целыми столетиями, причем осуществить это в условиях нарастания

Рисунок 4 Распределение ответов на вопрос: «Какие из основных гражданских прав и свобод сегодня наиболее важны для россиян и какие им труднее всего реализовать?» (в %; допускалось не более семи вариантов ответа)

глобализационных тенденций, вызвавших к жизни целый комплекс новых вызовов и противоречий.

«Утяжеление» собственно политических проблем, связанных с переходом к демократии, совокупностью социальных, экономических,

социокультурных и этнонациональных противоречий, присущих разным социально-политическим «эпохам», сужает возможности для естественного, без откатов, утверждения в стране демократических принципов, приводит к отказу от гражданских методов осуществления демократических преобразований в пользу элитистско-бюрократических, к нарастанию антиномичности трансформационных процессов, которые приобретают иллюзорные и «вялотекущие» формы. В этой ситуации едва ли приходится удивляться тому, что трансформация России носит «пульсирующий» характер и реформаторские прорывы чередуются с паузами, отступлениями и даже рецидивами прошлого¹⁰. Эволюция столь сложного и противоречивого образования не может быть простой и прямолинейной, тем более что происходит она как нераздельная часть общего процесса самоопределения человечества в глобализирующемся мире.

¹⁰ Галкин, Красин 2004: 273.

Наложение двух политических эпох — модерна и постмодерна — не только вызывает политическое, социокультурное и психологическое напряжение там, где они взаимопроникают и пересекаются, но и чрезвычайно затрудняет самоопределение страны и ее граждан. Вместе с тем бросается в глаза, что параллельно с изменением образа демократии и падением симпатий к неолиберальным политикам в России нарастают антизападные настроения.

Первоначально этот сдвиг в общественном сознании носил форму внутреннего самоутверждения, обусловленного недостатком позитивной цивилизационной идентификации. Чувство оскорбленного национального достоинства, разочарование в Западе, обида на него оказались факторами, способными объединить значительную часть глубоко расколотого российского общества. Если в 1995 г. 77,5% респондентов относились к США в основном положительно, то четыре года спустя, в разгар военной операции в Югославии, 48,9% россиян уже считали Соединенные Штаты врагом России, а 12% распространяли это отношение и на НАТО в целом¹¹. И дело здесь не только в геополитических интересах России на Балканах или в ее традиционных культурно-исторических связях с Сербией. «Гуманитарные бомбардировки» наглядно продемонстрировали, что «западный империализм» — это отнюдь не миф, изобретенный советским режимом в конъюнктурных целях. Россияне увидели, что Запад присвоил себе право «наказывать» несогласных и готов «продавливать» свою точку зрения, не считаясь ни с какими жертвами. Силовые действия США и их союзников в Югославии, а затем в Ираке психологически проецировались россиянами на себя. Негативная «аура» США в известной степени распространилась и на Запад в целом, образ которого в российском сознании стал ассоциироваться с угрозой.

¹¹ См. Россия 2000: 406.

Подобное восприятие Запада отражается и на отношении россиян к Евросоюзу. Как показывают результаты проведенного в ИС РАН исследования, главными факторами, затрудняющими сближение между Россией и ЕС, они считают не различия в менталитете, не слишком большой наплыв наших сограждан в Европу, не застарелые предрассудки и предубеждения, не слабость молодой российской демократии, не

чрезмерно жесткую, по мнению Запада, внешнюю политику нынешней российской администрации, но *стремление Евросоюза навязывать другим свое понимание демократии и расширение НАТО на Восток*. Именно в них видят причину проблем в отношениях между Россией и ЕС около трети опрошенных. Примерно каждый пятый упоминает также о нежелании Евросоюза допускать российский бизнес на свои рынки и о стремлении Запада переписать историю второй мировой войны, поставить под сомнение решающий вклад СССР в победу над фашизмом. Очевидно, что антироссийская риторика ряда европейских СМИ, попытки принудить Россию принять не устраивающие ее правила игры в энергетической сфере, лояльное отношение ЕС к кампании по сносу советских военных памятников в некоторых странах Восточной Европы не прошли даром. И если в начале текущего десятилетия многим россиянам казалось, что Россия и Европа (по крайней мере, «старая») способны понять друг друга, то дальнейший ход событий их основательно разочаровал.

Разочарование в европейской политике сопровождалось определенной утратой интереса к Европе. За последние пять лет доля «евроскептиков» в населении страны увеличилась почти в полтора раза, достигнув 42%, при одновременном — и весьма резко — сокращении доли «еврооптимистов», связывающих будущее России с вхождением в ЕС. Видеть Россию в составе объединенной Европы сегодня хотели бы только 11% наших сограждан, в то время как жить в восстановленном Советском Союзе — свыше 18%, а в гипотетическом союзе России, Белоруссии, Украины и Казахстана — около 13% (правда, среди сторонников двух последних вариантов преобладают лица среднего и старшего возраста). Подавляющая же часть россиян (почти 40%) выступает против объединения страны с кем бы то ни было¹².

Отторгая Запад на эмоциональном уровне, большинство граждан России вместе с тем убеждены, что с Западом и США лучше не ссориться, а дружить. Несмотря на отчетливо выраженный в общественном мнении синдром «державности», в России не популярны конфронтационные модели внешней политики. Показательно, что лишь 23% россиян рассматривают противостояние Западу как идею, способную сплотить российское общество во имя достижения общих целей. Понимая, что стране уже не по силам бремя экономической и политической сверхдержавы, современное российское общество отдает предпочтение «достойной самостоятельности», позитивно относясь к сотрудничеству как с европейскими, так и с азиатскими странами, но считая, что Россия должна идти своим путем, не вмешиваясь в чужие конфликты и стараясь не быть никому ничем обязанной.

* * *

Начало нового этапа в политическом развитии России со всей остротой ставит вопрос об осмыслении пройденного пути и выработке четкого представления о проблемах, стоящих пред российским обществом.

¹² *Российская идентичность 2007: 139—140*

¹³ *Работающая бедность 2008: 2.*

Главная из них — консервация бедности и закрепление глубокого социального неравенства. Как это ни парадоксально, экономический рост в стране привел не к сокращению, а к увеличению расслоения населения по доходам. Несмотря на неоднократные заявления о необходимости преодоления бедности и некоторые (правда, довольно скромные) успехи, достигнутые в этой сфере, малообеспеченными остаются 43% населения России и 16% балансируют на грани бедности¹³. Как отмечается в аналитическом докладе «Малообеспеченные в России: Кто они? К чему стремятся?», подготовленном ИС РАН совместно с московским представительством Фонда имени Ф.Эберта, в стране появилась новая социальная категория — «*работающие бедные*», основная часть которых сосредоточена в малых городах и селах, с их низким уровнем развития рынка труда и экономики. «В перспективе на 15–20 лет особых надежд у малообеспеченных нет, — считают авторы доклада. — В обществе, где около 40% в структуре профессиональной занятости — рабочие, где около 50% населения получает свои доходы от государства, вряд ли оправдано применять стандарты социальной политики, хорошо работающей в развитых индустриальных и постиндустриальных обществах. Мы имеем новый тип бедности — превращение бедных в *underclass*: этого еще не было даже в конце 1990-х годов. То есть существующая модель социальной политики — порочна»¹⁴.

¹⁴ *Там же.*

¹⁵ *Доклад 2007: 33.*

Согласно критериям ООН, к андерклассу относятся люди, живущие на 2,5 доллара в сутки. В России таковых — 7–8%, то есть порядка 12 млн. человек. Особенно тяжелая ситуация сложилась в некоторых «периферийных» регионах страны, в частности в Тыве, входящей в Сибирский федеральный округ. «Тыва — это такая же Африка, только в границах Российской Федерации», — констатируется в докладе ПРООН о развитии человеческого потенциала за 2007 г.¹⁵ В этих условиях неудивительно, что, несмотря на экономический рост, продолжительность жизни населения России продолжает сокращаться.

¹⁶ *Россия 2008: 3.*

Как известно, именно малообеспеченные слои сильнее всего страдают от инфляции. И если, по данным Росстата, в первом полугодии 2008 г. уровень инфляции в России составлял 8,7%¹⁶, то для наименее обеспеченных групп населения он был на 2–3% выше, что связано с интенсивным ростом цен на услуги (прежде всего тарифов ЖКХ) и продукты питания.

¹⁷ *Работающая бедность 2008: 2.*

Иными словами, мы наблюдаем в последние годы довольно странный экономический рост, который не решает, а наращивает социальные проблемы. Возможно, отсюда — отсутствие позитивной социальной реакции на него. Официально объявленный недавно поворот к «инновационному развитию» может опять оказаться «выстрелом в пустоту» — у нас просто не найдется людей, способных обеспечить такое развитие. «В ближайшие 10 лет средний класс не станет доминирующим в нашей стране. У этого социального слоя отсутствует запас жизненной, социальной, материальной прочности», — вынужден констатировать директор Института социологии РАН М.К.Горшков¹⁷. И при

отсутствии грамотной социальной политики переломить ситуацию не смогут никакие инвестиции — ни иностранные, ни отечественные.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что политический курс, который в начале нынешнего десятилетия отвел Россию от края пропасти, сегодня нуждается в существенной коррекции. Использованные В.Путиным методы достижения политической и экономической стабильности, сняв остроту проблемы безвластия и анархии, одновременно укрепили мощь корыстолюбивого и безответственного бюрократического класса, заведомо неспособного преодолеть отчуждение общества от власти и обеспечить эффективность государственного и муниципального управления.

Как отмечают многие эксперты, в нынешних условиях силами одного государства (тем более государства, пораженного системной коррупцией) нельзя решить ни одну из стоящих перед страной проблем. Поворот к инновационному развитию и «экономике знаний» невозможен без «размораживания политических процессов и гражданских инициатив, свернутых... в годы правления В.Путина»¹⁸. Однако исчерпавшая себя бюрократическая стабилизация набрала определенную инерцию, и для преобразования ее в стабилизацию демократическую потребуются политические усилия и воля.

Россия вновь стоит перед выбором своего будущего, и процесс ее самоопределения вступил в новую фазу.

¹⁸ См. Третьяков 2007: 590—591.

Библиография

- Галкин А.А., Красин Ю.А. 2004. *Россия: quo vadis?* — М.
- Горяинов В.П. 2002. Политические колебания населения России между либерализмом и этатизмом // *Социальная трансформация в России: процессы и субъекты*. — М.
- Денисовский Г.М., Никовская Л.И. 1994. Демократическое и авторитарное сознание в современной России: состояние и перспективы. // *Массовое сознание и массовые действия*. — М.
- Доклад о мировом развитии. Развитие и новое поколение. 2007. — М.
- Никовская Л. 1994. Демократические реформы и опасность правоэкстремистской альтернативы // *Власть*. № 12.
- Работающая бедность. Презентация аналитического доклада «Малообеспеченные в России: Кто они? К чему стремятся?». 2008 // *Независимая газета*. 28.07.
- Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. 2007. — М.
- Россия в зеркале статистики. 2008 // *Независимая газета*. 23.07.
- Россия на рубеже веков. 2000. — М.
- Третьяков В. 2007. *Наука быть Россией. Наши национальные интересы и пути их реализации*. — М.